

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Императорское Православное Палестинское Общество

**ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК**

**ВЫПУСК
32 (95)**

Санкт-Петербург
Издательство "Прас-Атра"
1993

НОВОЗАВЕТНЫЕ АПОКРИФЫ В СИРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К числу новозаветных апокрифических текстов в христианских литературах принято относить такие, которые, будучи связанными сюжетом или действующими лицами с сочинениями Нового Завета, не вошли однако по тем или иным причинам в его канон. Новозаветные апокрифы распространялись среди народов христианского мира как в устной, так и в письменной форме благодаря переводам на различные языки. Сирийская литература выделяется среди восточнохристианских в том отношении, что целый ряд текстов, ставших позднее через переводы достоянием многих народов, первоначальное письменное оформление получили на сирийском языке.

Такое положение сложилось, во-первых, из-за того, что сирийский регион в числе первых подвергся мощному влиянию христианства. В сирийском царстве Осроэна новое учение было принято в качестве государственной религии уже в конце II — начале III в. н. э.¹ Тем самым новые идеологические условия вынудили сирийцев не только переводить на родной язык необходимую религиозную литературу, но и создавать христианские сочинения на сирийском. Во-вторых, в столице Осроэны — Эдессе (Урхе) очень рано сложилась система христианского образования. В знаменитой Эдесской школе, которая была школой семитского типа, подобной древнееврейской, основным предметом на протяжении нескольких веков оставалось изучение, чтение и толкование Ветхого и Нового Завета. Несомненно, что бытовавшие в устной среде апокрифические легенды привлекали к себе внимание толкователей и записывались в тех случаях, когда требовалась ликвидация лакун в том предании, которое передавалось ученикам из поколения в поколение и усваивалось ими. Третьей причиной, способствовавшей оригинальному творчеству сирийцев в литературной области, являлась их широкая миссионерская деятельность, тесно связанная с постоянным в течение нескольких веков посредническим участием в международном торговле. Традиционное вынужденное многоязычие и коммуникативность позволяли им с большим успехом распространять христианство и христианскую литературу среди тех народов, с которыми они вступали в торговые отношения. Уже

в эпоху эллинизма сирийцы владели обычно несколькими языками, выступали толмачами в торговых операциях и дипломатических сношениях, и не только знали в оригиналах сочинения на древнееврейском, греческом, латинском, парфянском языках, но и переводили их на сирийский.²

Первоначальное сирийское христианство опиралось на народные традиции, было открыто фольклорному влиянию. Вообще в христианском литературном движении «народное искусство христианского Востока было фактором огромного значения... Оно было тем бродилом, которому

суждено было радикально обновить устаревший художественный язык античности, подведя под него совершенно новую основу»³.

Сирийцы не только сами стали авторами многих легенд, но и впервые придали литературную форму некоторым устным христианским сказаниям, создав оригинальные произведения, относимые к разряду новозаветных апокрифов. Миссионерская и переводческая практика сирийцев привели к тому, что многие памятники христианской литературы, в том числе и апокрифические, распространились в христианском мире именно в той форме, в какой они были зафиксированы на сирийском языке. Но уже будучи переведенными на другие языки христианского культурного круга, такие сочинения сохраняли свой фольклорный дух, легко приспосабливаясь к новым условиям, видоизменяясь и развиваясь, когда они, по словам Н. Я. Марра, вставались в «историческую раму» местных тенденций.⁴

Репертуар сирийской новозаветной апокрифической письменности еще не описан с должной полнотой, поскольку многие памятники не только не опубликованы, но и не выявлены в рукописных собраниях, которые ждут подробного описания. Выяснение такого репертуара тесно связано с вопросом о каноне сирийского Нового Завета. О том, какие произведения относились к разряду канонических до того, как был принят канонический текст Пешитто (начало V в.), мы можем говорить только предположительно.

Сложные и спорные в историко-ведческом отношении свидетельства о древнем сирийском каноне содержатся в сирийском сочинении, сохранившемся в рукописях V—VI вв., но письменно оформленном в конце IV — начале V в. — «Учении апостола Адаая»⁵.

Во-первых, в нем сообщается, что после обращения эдессян в христианство, «множество народа день ото дня собиралось и приходило для молитвенной службы и (чтения) Ветхого и Нового Завета, Диатессарона»⁶. Уточнение «Диатессарон», поставленное рядом со словами «Новый Завет», позволяет сделать предположение о том, что в «Учении Адаая» отразилось то время, когда сирийская церковь использовала в богослужбной практике эту гармонию из четырех канонических Евангелий и некоторых апокрифических текстов, составленную Татианом, выходцем из Сирии, в 150—170 гг.⁷

Во-вторых, в тексте «Учения Адаая» имеется еще одно упоминание о нормативном круге литературы, предназначенном для православных христиан: «Закон же, и Пророков, и Евангелие, которые читаете вы каждый день перед народом, и Послания Павла, которые Симон Кифа послал нам из города Рима, и Деяния двенадцати апостолов, которые Иоанн, сын Зеведея, послал нам из Эфеса, эти книги вы читаете в храмах Христа

и, кроме них, не читайте никаких других, так как нет другой (книги), где истина, которой придерживаетесь вы, записана, за исключением книг этих, которые сохраняют вас в вере той, к которой вы призваны»⁸. Из этого отрывка яствует, что к числу канонических относятся два разряда текстов, первый — читаемые ежедневно (Закон, Пророки, Евангелие), и второй — дополнительные (Послания Павла и Деяния двенадцати апостолов). Из отрывка остается неясным, какие именно из Посланий Павла следует читать, а также и то, каким образом включение их в канон сирийской церкви связано с римской традицией, поскольку посредническая роль в этом апостола Симона Кифы не подтверждается другими источниками. Можно сомневаться и относительно того, что имеется в виду под названием «Деяния двенадцати апостолов»: то ли то, что в «Каноне Муратори» называется «Деяния всех апостолов в одной книге», т. е. новозаветные канонические «Деяния апостолов», то ли «Учение двенадцати апостолов» или «Двадихи», которое включало в себя необходимые для богослужения литургические молитвы и было принято александрийским канонем.

О Новом Завете — Пешитто — мы можем судить более определенно. В него входили все канонические тексты, кроме ряда соборных посланий — «Второго послания Петра», «Второго и третьего послания Иоанна», «Послания Иуды», а также книги «Откровения».

Структура новозаветного канона определила отчасти репертуар новозаветных апокрифов на сирийском языке в жанровом отношении. Он включает, следуя канону, апокрифические евангелия («Евангелие Фомы», «Евангелие двенадцати апостолов»), послания («Послание Господа нашего»), деяния («Деяния Иоанна», «Деяния Иуды Фомы»), откровения («Откровение Павла»). Однако наряду с такими общими для всех литератур видами христианских апокрифов в сирийской письменности сложились и особые жанровые формы, такие, например, как «Учение», примыкающее к деяниям, или «Завет», известный из ветхозаветной апокрифической традиции.

Классифицируя сирийские апокрифические тексты, удобнее всего расположить их, исходя из общепринятого на греческом языке новозаветного канона. При этом можно сразу выделить две группы произведений: апокрифы, относящиеся к евангельской традиции, в которых сюжет строится вокруг событий и лиц, упомянутых в канонических евангелиях, и апокрифы, описывающие деятельность учеников Иисуса Христа — апостолов¹⁰.

Из нашего обзора мы сознательно исключаем тексты, о существовании которых на сирийском (или арамейском) языке можно говорить лишь предположительно. Такие, которые на греческом языке восстанавливаются по фрагментам, сохранившимся у отдельных христианских авторов, начиная с Иринея и Климента Александрийского (II—III вв.) и кончая «Стихотрием», дошедшим в составе «Хронографии» Никифора

(IX в.) — «Евангелие от евреев», «Евангелие эбнионитов» и др.¹¹ Следы этих и других апокрифических евангелий обнаруживаются у сирийских авторов, однако восстановление их сирийских версий и изучение по отрывочным упоминаниям должно стать темой отдельного исследования.

Первоначальное сирийское христианство было, несомненно, тесно связано с иудео-христианским направлением¹², поэтому следует ожидать обнаружения в памятниках сирийской литературы большего, чем в других письменностях, числа отрывков из иудео-христианских сочинений — «Евангелия от евреев», «Евангелия эбнионитов», «Евангелия назореев». Особый интерес вызывает также выявление свидетельств об особом «Евангелии Бар Дайсана», знаменитого сирийского поэта и философа-гностика II—III вв.¹³ Существует, правда, мнение, что под этим наименованием скрывается сирийская версия «Диатессарона»¹⁴.

Из апокрифических евангелий, известных нам и на других языках, помимо сирийского, прежде всего на греческом, по-сирийски имеется «Протоэвангелие Иакова»¹⁵. Авторство этого сочинения приписывается Иакову, брату Господню, который, согласно церковному преданию, был первым епископом Иерусалима, однако уже в древности такое надписание ставилось под сомнение отцами церкви. Содержание «Протоэвангелия Иакова» составляет жизнеописание Богоматери от ее рождения до бегства в Египет и спасения от Ирода Иоанна Предтечи и его матери Елизаветы. В сирийской письменности произведение было весьма распространено. Оно оказало несомненное влияние на составление такого сложного памятника как «История Девы Марии». Подробного исследования текста сирийской версии «Протоэвангелия Иакова» еще не проводилось, хотя она имеет важное значение для текстологической истории памятника¹⁶. Впервые фрагмент сирийского текста, содержащий отрывок XVII главы соответствующего греческого, был опубликован В. Райтом по рукописи второй половины VI в.¹⁷, затем полная версия «Протоэвангелия» по-сирийски, также датированная VI в., была найдена и напечатана А. Смит-Льюис¹⁸. Сирийская версия сочинения является переводом с греческого оригинала, но сопоставления ее с имеющимися греческими редакциями еще нет.

На сирийском языке до нас дошли отрывки «Евангелия псевдо-Фомы» или «Евангелия детства»¹⁹. Сравнение всех известных фрагментов этого сочинения по-сирийски с различными греческими версиями (А и В) памятника пока не проводилось. Однако известно, что сирийская версия отличается как от греческих, так и латинского вариантов сочинения. Так сирийский текст по рукописи Британского музея опускает всю первую главу греческого²⁰. Уже установлено также, что сирийская версия оказала влияние на другие христианские литературы, к ней восходит, например, грузинский вариант «Евангелия детства»²¹. Влияние сирийской версии на арабские может быть установлено благодаря на-

лично рукописей «Евангелия» на каршуни, т. е. на арабском языке, но транскрибированных сирийским письмом²².

К «Протоэвангелию Иакова» и «Евангелию детства» примыкает очень интересный сирийский памятник «История Преподобной Девы Марии», содержащий подробный рассказ о ее жизни от рождения до смерти и включающий описание множества чудес, которые были совершены ею и ее божественным сыном Иисусом Христом²³. Текст представляет собой компиляцию, составленную не только на основе апокрифов, известных ныне по-сирийски («Протоэвангелие Иакова», «Евангелие детства»), но и сочинений, представленных сейчас только латинскими и греческими версиями («Евангелие псевдо-Матфея», «Евангелие рождения Марии», «Успение Девы Марии»). Треть «История» занимает описание последних дней земной жизни Марии, ее успения и посмертных чудес. Причем в этой части повествования содержится множество эпизодов, не имеющих себе параллелей в разноязычной апокрифической традиции, связанной с именем Марии (рассказ о купце и трех жемчужинах, рассказ об Андрее, воскрешенном Марией после того, как он утонул в море, и др.). Вероятно, сирийский автор объединил в своей компиляции как письменные источники, так и устные сказания о Марии, бытовавшие в его окружении. Вообще апокрифический сюжет успения Девы Марии был чрезвычайно распространен в сирийской письменности. Он представлен многочисленными рукописями, содержащими как тексты переводов с других языков (например, рассказ Мелитона Сардского), так и оригинальные сирийские сочинения²⁴. И. Орциц де Урбино дал предварительную классификацию сирийских версий «Успения»²⁵. Наиболее древняя версия, имеющаяся в том числе во фрагментах палимпсеста V—VI вв., была издана В. Райтом по рукописям Британского музея²⁶ и А. Смит-Льюисом по сиро-арабскому палимпсесту из Египта²⁷. Другая версия представлена рукописями X—XIII вв. и рассказывает о смерти Марии, положении ее тела в гробницу, откуда оно в огненной колеснице чудесным образом переносится на небо. Завершается эта версия сообщением о том, что апостолы, собравшись на Елеонской горе, устанавливают день поминовения Марии. Данный вариант рассказа включает указания на различные апокрифические источники, такие, как «Завещание Адама» и др. Он также издан В. Райтом²⁸. Третья версия, независимая от первых двух, сохранилась в двух фрагментах. В ней Иисус Христос является Марии и предупреждает о близкой смерти, а после кончины архангел Михаил переносит ее душу на небеса. Во время погребения тела Марии апостол Петр совершает множество исцелений своим посохом. Этот текст также опубликован В. Райтом²⁹. Сопоставление всех версий представляет интересную задачу, важную не только саму по себе, но и для выяснения источников компиляции «История Преподобной Девы Марии».

К традиции апокрифических евангелий примыкают широко представленные в сирийской письменности тексты, относящиеся к циклу о Пилате. Во-первых, уже, вероятно, в IV в. появился сирийский перевод «Деяний Пилата» или «Евангелия Никодима». Он был издан по рукописи VIII в.³⁰, однако известен и в более поздних рукописях³¹. На сирийском языке существуют и два других апокрифа, связанных с именем Пилата и известных по-гречески, — «Анафора» или «Возношение» и «Парадосис» или «Предание Пилата». Первый текст составляет часть «Евангелия Никодима» и повествует о знаменьях и чудесах, сопровождающих распятие Иисуса Христа и его воскресение, а второй рассказывает о раскаянии Пилата, суде над ним и казни его. Эти тексты изданы по Синайской рукописи (Син. 82) М. Гибсон³². В этом же кодексе имеется текст «Переписки между Пилатом и Иродом»³³, изданный по другим спискам (V—VI вв.) В. Райтом³⁴ и И. Рахмани (по рукописи VIII в.)³⁵.

К жанру апокрифической переписки относится сирийский текст «Послания Иакова, епископа Иерусалимского, к Квадрату»³⁶, в котором описывается судебный процесс над Иисусом Христом. Насколько нам известно, этот апокриф не имеет аналогий на других языках, кроме армянского³⁷.

С евангельской апокрифической традицией связано «Евангелие двенадцати апостолов», известное в рукописи VIII в.³⁸ Его рассказ начинается с эпизода Благовещения и оканчивается избранием апостола. Повествовательная часть дополнена апокалиптическими пророчествами апостолов: Иоанна Зевелея и Симона Кифы. Текст является компиляцией, составленной сирийским книжником в постконстантиновское время, возможно в VIII в.³⁹, хотя в заглавии содержится явно фиктивное сообщение о том, что текст переведен с еврейского на греческий, а с него — на сирийский⁴⁰.

Лишь на сирийском языке сохранился весьма интересный апокрифический текст под заглавием «История изображения Христа, которое иудей Тивериад сделал ради осмеяния»⁴¹. Рассказ ведется от лица некоего Филофея, который посетил Святые места Палестины и узнал от посланника Божия, почему страна разорена и лежит в запустении. Он услышал рассказ о том, как иудей нанял живописца и потребовали у него нарисовать изображение Христа на деревянной доске. Поместив затем изображение в храм, иудей стали издеваться над ним, проткнули образ копьем, отчего из деревянной доски заст. ильсь кровь и вода. Благодаря такому чуду произошло множество исцелений и обращений в христианство среди иудеев. Далее повествуется об одном из исцеленных от паралича и его брате Иуде, которые верой в Иисуса Христа совершают чудеса, а потом отправляются в Киликию, где основывают монастырь. Исследование «Истории изображения Христа» еще не сделано, но есть основание предполагать, что сочинение восходит к

греческому оригиналу или вышло из-под пера грекоязычного сирийца.

На сирийском языке представлена «История Арсения» — апокриф, повествующий о египетском царе, воскресшем Иисусом Христом⁴².

К числу новозаветных апокрифов, связанных с повествованиями об Иисусе Христе, могут быть отнесены и «Письма Господа нашего, спустившиеся с неба»⁴³. Их издатель М. Биттнер, опубликовавший греческую и восточные версии апокрифа, полагал, что греческий оригинал существовал только для первого письма, а второе и третье письмо написаны автором-сирийцем⁴⁴.

К переводным апокрифическим текстам, вошедшим в сирийскую литературу, причислим также «Видение Феофила Александрийского»⁴⁵, гомилию, рассказывающую о бегстве святого семейства в Египет.

Весьма разнообразен в сирийской письменности раздел апокрифических апостольских деяний. Именно эти произведения служили вдохновляющим образцом для миссионерской деятельности сирийских проповедников христианства, а также для сирийских историков, например, для Иоанна Эфесского (VI в.), описывающих события, связанные с активностью распространителей христианской веры.

Среди апокрифических апостольских деяний выделяются прежде всего тексты, сирийское происхождение которых можно признать уже несомненным, — «Учение апостола Аддая», «Деяния Иуды Фомы», «История Иоханна апостола, сына Зеведеева».

«Учение апостола Аддая» — памятник, в котором нашло отражение несколько апокрифических легенд, связанных с именем эдесского царя Авгара⁴⁶. Сочинение дошло до нас на сирийском языке в рукописях V—VI вв.⁴⁷ Основное композиционное ядро его — легенда о переписке царя Авгара с Иисусом Христом — получило литературное оформление с утверждением в сирийской Осроэне христианства. Первоначальная письменная фиксация легенды восходит к числу документов «Архива царей» — летописного свода, ведшегося при дворе правящей осроэнской династии Авгаров бар Ману, и относится ко времени 202—214 гг. н. э.⁴⁸ Однако легенда в виде архивной записи по-сирийски не сохранилась, и ее содержание восстанавливается лишь предположительно на основании рассказа из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Евсевий сам сообщает о том, что он заимствовал свое повествование из письменного сирийского документа, найденного в архиве Эдессы, и дословно перевел его. Такое признание подтверждает некоторые языковыми особенностями этого отрывка из «Церковной истории», указывающими на семитский оригинал. В «Учении апостола Аддая» рассказ об обращении в христианство Авгара и его подданных разбит на несколько частей и связывает все повествование единой сюжетной цепочкой, начиная и завершая его. В идейном отношении это сочинение выражает точку зрения ортодоксального христианства и полемически

направлено даже не столько против язычества, сколько против различных еретических движений, прежде всего против арианства и гностицистских сект, имевших силу и влияние в Эдессе. «Учение апостола Аддая» в целом — памятник оригинальной сирийской литературы. Исходя из возможного времени возникновения его отдельных композиционных частей (в текст входит целый ряд апокрифических легенд: Легенда об обрете креста цесарией Протокией, Легенда о переписке Авгара с Тиберием, Легенда о переписке Авгара с Нарсаем), а также идеологической направленности, присущей произведению, его создание можно датировать концом IV — началом V вв.⁴⁹.

«Деяния Иуды Фомы» существуют на нескольких языках христианского круга, но из всего этого многообразия на приоритет в качестве языка оригинала претендуют два: греческий, на котором сочинение стало впервые известно, и сирийский, сохранивший его наиболее полную версию⁵⁰. Вопрос о том, на каком языке первоначально были написаны «Деяния», долгое время не решался исследователями со всей определенностью. В Райт, первый издатель сирийского текста, высказывался за греческий оригинал, его поддержал Р.-А. Липсиус. Однако в дальнейшем Т. Нельдеке, Ф. Беркитт, П. Девон привели доказательства в пользу сирийского происхождения текста: это и неправильно введенные в греческой версии сирийские термины, и идиоматические выражения, смысл которых ясен лишь по-сирийски, и «темные» места, ошибки, основанные на палеографической испорченности или неверном прочтении греческим переводчиком сирийского текста. Нами было рассмотрено еще одно свидетельство того, что сирийский язык «Деяний» был оригинальным, — особенности сирийского синтаксиса при передаче

прямой речи, чуждые греческому языку, но отраженные в одной из редакций греческого текста. На язык оригинала и время создания сочинения, на наш взгляд, указывают заимствованные слова, имеющиеся в сирийском тексте. Сочетание в тексте «Деяний» латинских и греческих заимствований из бытовой лексики может свидетельствовать о том, что памятник был создан тогда, когда все три языка — сирийский, латинский, греческий — находились в тесном контакте друг с другом. Именно такая ситуация имела место в Месопотамии в первые века н. э.⁵¹ Доказательством раннего сирийского происхождения «Деяний» может считаться наше наблюдение, говорящее об использовании автором древнесирийской версии «отдельных» Евангелий, которые бытовали в сирийской среде до официально введенного в V в. текста Нового Завета — Пешитто. Это чтение сирийского текста в молитве «Отче наш» слов «хлеб истинный» вместо «хлеб насущный», при этом греческая версия «Деяний» первое выражение просто опускает, не заменяя общеизвестным греческим.⁵² Определению языка оригинала послужили и экстралингвистические данные, позволившие выяснить, какие исторические

условия и предпосылки могли вызвать написание этого сочинения. Возникновение «Деяний Иуды Фомы» можно связать с событиями 232 г., когда римский император Александр Север предпринял эдессянам, которые недавно стали подданными империи, отвовавшие им у персов мощи апостола Фомы. Сам текст «Деяний» свидетельствует, что произведение писалось после того, как останки апостола были увезены с места их первоначального захоронения. Бесспорным следует признать то, что почитание апостола Иуды Фомы не связано с ранним периодом эдесского христианства, а является вторичным. Принятие и распространение новой для месопотамского региона религии восходит к иной традиции, которая стоит в связи с культом другого апостола — Аддая — и зафиксирована в вышеупомянутом «Учении апостола Аддая». III в. н. э. явился тем временем, когда в Эдессе столкнулись эти две апостольские традиции. Очевидно, что это стало результатом той политики, которую Римская империя проводила в пограничных с Парфией районах, стремясь подчинить их своему влиянию. Лишив Осроэну независимости (216 г. н. э.) и уничтожив эдесскую правящую династию, римские власти постарались искоренить и установившиеся местные обычаи. Одно из нововведений императора — установление культа апостола Иуды Фомы. Упрощению почитания нового апостола и должно было способствовать сочинение, описывающее совершенные им чудеса и его мученическую кончину.⁵³

К доказательствам сирийского происхождения «Деяний Иуды Фомы» относятся особенности обряда крещения, характерные только для сирийской богослужебной практики.⁵⁴ Эти особенности связывают «Деяния» с другим сочинением апостольского цикла — «Историей Иоханнана апостола, сына Зеведеева». Его сирийский текст был впервые издан В. Райтом.⁵⁵ Сам издатель, а вскоре и Р.-А. Липсиус, предположивший зависимость «Истории» от греческих «Деяний Иоанна», возводили сирийский текст к утраченному или неизвестному пока греческому оригиналу.⁵⁶ Существенно изменили мнение об «Истории» статьи Р. Коннолли, который отстаивал сирийское происхождение сочинения.⁵⁷ Мы привлекли к исследованию еще две сирийские рукописи, содержащие текст «Истории Иоханнана» (собрание Парижской Национальной библиотеки № 235 и № 236),⁵⁸ из которых вторая дала новый интересный материал для изучения текста.⁵⁹ Она включает несколько дополнительных отрывков, отсутствующих в других рукописях, в том числе, рассказ о раскаявшемся разбойнике. Источником последнего, как нам удалось установить, является «Церковная история» Евсевия Кесарийского. При работе с текстами выяснилось, что составитель сирийской «Истории Иоханнана» пользовался не оригинальным греческим текстом Евсевия, а его сирийским переводом, который обычно датируют временем не позднее конца IV в. Рассказ о разбойнике, несомненно, был включен позднее в уже сложившийся текст, так как он грубо разбивает строго

логичное повествование о путешествии к Иоханнани в Эфес Петра и Павла и о написании апостолом евангелия. Наши наблюдения над текстом «Истории Иоханнана» подтверждают точку зрения Р. К. Коннолли о сирийском оригинале сочинения в целом. Об этом свидетельствует следующее: 1. Сухопутное путешествие Иоханнана из Иерусалима в Эфес. В греческой традиции этот путь был морским. Для сирийского же автора, обитавшего в северной Месопотамии и знавшего караванные пути, которые соединяли месопотамские города Эдессу, Нисибин и др. как с морскими воротами во Внутреннюю Азию — Эфесом, так и с Иерусалимом, сухопутное передвижение между этими географическими пунктами было привычным и естественным. 2. К наблюдениям, приведенным Р. Коннолли относительно использования «Диатессарона», мы можем присовокупить вывод о том, что автор «Истории Иоханнана» не только не упоминает ни одного евангельского эпизода, не включенного вовсе в «Диатессарон», но в тех случаях, когда рядом цитируются стихи или фигурируют реминисценции, восходящие к разным Евангелиям, они в таком же соседстве оказываются в «Диатессароне». 3. Обряд крещения, неоднократно описанный в «Истории Иоханнана», соответствует древнему сирийскому чинопоследованию, подтвержденному и другими сирийскими сочинениями. 4. Отдельные интересные апокрифические детали текста, например способ воплощения Иисуса Христа через ухо Девы Марии, имеют себе параллели и получают идеальную интерпретацию в контексте сочинений Ефрема Сирина — автора IV в. и его последователей. 5. Противоречивая фраза текста: «...первенствовал Эфес, град Твой, в благовествовании Твоем перед всеми городами. И стал сестрой второй для Урхи парфянской», — выдает в авторе сириича, который, отдавая должное заслугам эфесской церкви, вместе с тем дипломатично сообщает свое мнение, согласно которому христианство впервые было признано государственной религией в сирийской Осроэне.

В издании В. Райта к «Истории Иоханнана апостола, сына Зеведеева», присоединен текст «Успение Иоханнана» по рукописи XII в.⁶⁰ Он представляет собой сокращенный перевод известного греческого сочинения⁶¹.

К апостольским деяниям сирийского происхождения относится текст «Учение Симона Кыфы в городе Риме». Он издан по дефектной рукописи Британского музея В. Кьюртоном,⁶² однако наличие более хорошего списка⁶³ позволяет заняться его переизданием и подробным исследованием. По своей догматической направленности сочинение принадлежит к тем, что могли возникнуть в посленикийский период, но ученые пока расходятся в его датировке. А. Баумштарк, исходя из филологического анализа текста, считал, что он был написан на рубеже IV—V вв.⁶⁴ Р. Петерс полагал возможным рассматривать его как еще более древний.⁶⁵

Один из ранних сирийских текстов, пове-

ствующих об апостоле Петре («Мученичество Петра») и восходящий к греческим версиям, был опубликован Ф. Но⁶⁶.

Сирийская литература сохранила в виде компиляции из ранних переводов⁶⁷ так называемые «Псевдо-Климентины» (171—217 гг.), цикл сочинений, приписываемых перу Климента, епископа Римского. Компилятор сирийского произведения соединил два текста: греческий роман из 22 гомилий и латинскую версию «Воспоминаний», которая была переведена Руфином в IV в.⁶⁸ В этом повествовании автор выступает спутником апостола Петра в его путешествиях. Во время странствий, благодаря апостолу, он находит своих утраченных ранее родителей и братьев. Описываются прения Петра с Симоном Волхвом, в которых апостол выступает сторонником иудео-христианского учения, близкого к збонитам, а Симон Волхв — защитником Павла, апостола язычников.

Вторичная несторнианская обработка повествований об апостолах Петре и Павле представлена текстом, известным по копии рукописи из Кой-Керкука⁶⁹ и напечатанным П. Беджаном⁷⁰. В эту «Историю святых Петра и Павла» сирийский автор собрал сведения из разных источников (канонические данные, выдержки из «Псевдо-Климентин», текста, известного в латинском переводе Actus Vercellenses⁷¹, «Учения Симона Кыфы в городе Риме» и других), переработав их⁷².

В сирийских рукописях сохранился текст «Истории Феклы, ученицы Павла апостола»⁷³, который является переводом греческих «Деяний Павла и Феклы»⁷⁴. «История Феклы» вошла составной частью в так называемую «Книгу женщин» — антологию, подобранную сирийским автором, куда помимо «Истории» включены повествования о ветхозаветных героинях: Руфи, Эсфири, Юдифи и Сусанне⁷⁵.

На сирийском языке дошло до нас также «Мученичество апостола Павла», восходящее к греческому оригиналу⁷⁶.

Различные версии сочинений, связанные с апостолами Петром и Павлом и сохранявшиеся на сирийском языке, их зависимость друг от друга, их источники были подробно исследованы в книге А. Баумштарка⁷⁷. Рассмотрев все имеющиеся в сирийской письменности тексты, автор пришел к выводу о том, что у сирийцев никогда не существовало полного перевода известных на других языках апокрифических деяний этих апостолов. Сирийские авторы лишь компилировали источники на различных языках, выбирая эпизоды и переводя отрывки по своему усмотрению, создавая, по сути дела, таким способом новые произведения из мозаики текстов.

Благодаря греческой версии на сирийском языке в переводе-переработке существуют апокрифические «Деяния апостолов Андрея и Матфея»⁷⁸. Они были изданы по рукописи X в.⁷⁹ Сравнение опубликованного текста с греческим дает представление о том, что сирийская версия значительно сокращена, особенно начиная с 7 главы. Наличие большого числа сирийских ру-

копий, не использованных первым издателем⁸⁰, позволяет продолжить текстологическую работу над этим интересным памятником.

В сирийской литературной традиции представлено сочинение, связанное с апостолом Филиппом — «История Филиппа апостола»⁸¹, которое имеет лишь отдельные точки соприкосновения с греческими «Деяниями Филиппа»⁸² и другими апокрифическими деяниями на греческом языке. Возможно, что это оригинальное сирийское произведение. В нем повествуется об обращении Филиппом в христианство иудея Ханнаина в Карфагене, о победе апостола над языческими богами и его морском путешествии. Наличие не вовлеченных пока в научный оборот сирийских рукописей с текстами «Истории Филиппа апостола»⁸³ дает возможность вести дальнейшее исследование и подготовить новую публикацию, которая тем более необходима потому, что В. Райтом была напечатана лишь часть обнаруженного им текста.

Обзор апокрифической апостольской темы в сирийской письменности завершим указанием на наличие в ней «Мученичества апостола Луки»⁸⁴. Кроме сирийской версии, существуют еще коптская и эфиопская. Однако сирийский вариант текста позволяет думать об утраченном греческом оригинале данного сочинения.

Из памятников, примыкающих к традиции новозаветного «Откровения», на сирийском языке дошло до нас «Откровение Павла», которое восходит к греческим версиям этого сочинения⁸⁵. Сведения о сирийском переводе сообщает уже Августин (354—430 гг.). В конце VI в. одна из сирийских версий «Откровения Павла», благодаря несторнианскому посредству, стала известна на армянском языке. Фигурировавшее в нескольких редакциях сочинение стало отправной точкой для возникновения цикла легенд апокалиптического характера, например, о послании Иисуса Христа, упавшем с неба⁸⁶.

На сирийском языке существует круг апокрифических памятников, в которых рассматриваются проблемы и порядок христианской богослужебной практики. Авторы подобных сочинений ставили своей целью показать происхождение этих предписаний из апостольских времен. К таким произведениям относится прежде всего «Дидакалия апостолов», не сохранившаяся на греческом языке. Сирийский текст ее был впервые издан П. де Лагардом⁸⁷, переведен на французский язык⁸⁸ и вскоре переиздан М. Гибсон, которая положила в основу своей публикации другую рукопись и привела разночтения по нескольким спискам⁸⁹. Этот сирийский памятник стал базой для исследования Ф. Функа, который связал его с явно греческим по происхождению текстом «Постановления апостольские»⁹⁰. В свое издание «Постановлений», представляющих собой компиляцию на греческом языке и включавших в переработанном виде «Дидакалию апостолов», «Дидахи», трактат «О харизмах», «Апостольское предание или Египетские церковные постановления», 85 апостольских правил и другие сочинения, он включил латинский перевод

сирийской «Дидаскалии».

К кругу аналогичных текстов относятся «Завещание Господа нашего Иисуса Христа», рукопись которого была открыта католическим антиохийским патриархом Игнатием Ефремом II Рахмани и им же опубликована⁹¹. Автор издал текст по поздней рукописи XVI в., которую принял за древнюю. Позднее были обнаружены и другие более ранние рукописи «Завещания» (парижская, флорентийская). Издание И. Рахмани вызвало много критических замечаний, публикация ранее не известных отрывков памятника и исследований, которые установили, что в своем окончательном виде текст сложился к V в. и был написан первоначально по-гречески. Впоследствии греческая версия «Завещания» была утрачена, и мы располагаем теперь лишь ее сирийскими переводами. Было установлено, что помимо перевода, напечатанного И. Рахмани, существовал еще и иной, отрывки которого представлены двумя рукописями⁹².

Судьба всего круга этих сочинений и их взаимозависимость были распутаны в исследованиях Э. Шварца⁹³ и Р. Коннолли⁹⁴. Ученые независимо друг от друга пришли к выводу о том, что источником всех текстов являлось «Апостольское предание или Египетские церковные постановления», дошедшие до нас, с одной стороны, в так называемом «Синодосе Александрийской церкви» (на саидском и бойхарском диалектах коптского, арабского и эфиопского языках), а с другой стороны, в латинском палимстесе из Вероны. Выяснилось, что автором «Апостольского предания» можно признать Ипполита Римского, видного христианского деятеля II—III вв., родившегося на Востоке, но приобретшего известность и авторитет в качестве члена римского клира⁹⁵. Сочинение Ипполита Римского «Апостольское предание» являлось кратким изложением правил и ритуалов, принятых Римской церковью современной автору, но особый авторитет оно приобрело в Египте и Сирии. Благодаря деятельности сирийского составителя и редактора около 400 г. «Апостольское предание» вошло в сирийское сочинение, объединившее его с «Постановлениями апостольскими», а затем в V в. и в сирийскую версию «Завещания Господа нашего Иисуса Христа». Все рассмотренные выше сирийские памятники имеют большое значение для изучения вопросов литургии и канонического права и постоянно привлекают внимание исследователей — богословов, историков, искусствоведов.

Сирийская письменная традиция новозаветных апокрифических сочинений сыграла большую роль в развитии христианской литературы. Сирийские авторы являлись создателями и первыми фиксаторами многих апокрифических сюжетов, которые благодаря переводам разошлись по всему христианскому миру. Сирийские переводчики и редакторы включали в свои компиляции из апокрифических произведений разноязычные тексты, ныне утраченные и сохранившиеся

только благодаря сирийским версиям. Поэтому сирийские версии дают хороший материал для решения источниковедческих и исторических проблем: для выяснения места и времени первоначальной письменной фиксации сочинения, а также для установления особенностей того типа христианства, который в них отразился. Сирийские апокрифические тексты дают яркое представление о разнообразии литературных форм, освоениях и применяемых писателями-сирийцами, форм, сочетающих как фольклорную стилистику, так и развитые литературно-письменные традиции — античную и ближневосточную.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Пагулевская Н. В. Культура сирийцев в середине века. М., 1979, С. 187.
2. Мейерская Е. Н. Сирийский вклад в корпус христианских апокрифов. // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. П. М., 1991, С. 767—768.
3. Лазарев В. Н. Основы византийского искусства. // Византийская живопись. М., 1971, С. 20.
4. Марр Н. Я. Хитон Господень в греческих легендах армян, грузин и сирийцев. // Сб. статей ученых проф. В. Р. Розена. СПб., 1897, С. 94.
5. Мейерская Е. Н. Легенда об Авгаре — раннесирийский литературный памятник. М., 1984, С. 37—55.
6. Там же. С. 197.
7. Мейерская Е. Н. Сирийская рукописная книга (машинопис). С. 24—27.
8. Мейерская Е. Н. Легенда об Авгаре. С. 200—201.
9. Duval R. La littérature syriaque. 3 éd., P., 1907, p. 42.
10. О классификации новозаветных апокрифических текстов, в том числе евангелий, см.: Santos Otero A. de Los Evangelios Apócrifos. 4 ed., Madrid, 1984, p. 1—5.
11. Apokryfy Nowego Testamentu. T. 1. Ewangelie apokryficzne. Red. M. Starowieyski. Lublin, 1986, p. 67—79; Santos Otero. Los Evangelios. p. 29—75.
12. Klijn A. F. J. Das Thomasevangelium und das alsyrische Christentum. // Vigiliae Christianae. Vol. 16, 1962, № 2, p. 146—159; Drijvers H. J. W. Edessa and das jüdische Christentum. // Vigiliae Christianae. Vol. 24, № 1, 1970, p. 4—32.
13. Hennecke E. — Schneemelcher W. Neutestamentliche Apokryphen. 3 Aufl., Bd. 1. Tübingen, 1964, S. 260.
14. Bauer W. Rechtgläubigkeit und Ketzerei im ältesten Christentum. Tübingen, 1964, S. 35—37.
15. Santos Otero. Los Evangelios. p. 126—176; Apokryfy Nowego Testamentu. s. 664—670.
16. О значении сирийской версии для изучения этого христианского апокрифа писал Ш. Мишель: Michel Ch., Peeters P. Evangelies apocryphes. Vol. 1, P., 1911, p. IV.
17. Wright W. Protevangelium Jacobi, or, the History of the Birth of our Lord and of the Virgin Mary. // Contributions to the apocryphal literature of the New Testament. L., 1865, p. 1—5, 17; Budge E. A. W. The History of the Blessed Virgin Mary. Vol. 1, L., 1899, p. 213—217; Wright W. Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum acquired since the year 1838. P. I, L., 1870, p. 99 (Add. 14, 484).
18. Smith-Lewis A. Apocrypha Syriaca: The Protevangelium Jacobi and Transitus Mariae. // Studia Sinaitica. XI, L., 1902, p. 1—22; Nestle E. Ein syrisches Bruchstück aus dem Protevangelium Jacobi. // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums. III, 1902, S. 86 (О фрагменте рукописи из Берлинского собрания; Sachau E. Die Handschriften-Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd. 23. Verzeichniss der syrischen Handschriften. 2. Abt., B., 1899, S. 673—678).
19. Santos Otero. Los Evangelios. p. 282—284; Apokryfy Nowego Testamentu. T. 1, s. 673—676; Wright. Catalogue. P. I, p. 99 (Add. 14, 484); Wright. The Gospel of Thomas the Israelite, or, the History of the Childhood of our Lord. // Contributions. p. 6—11, 9—16; Budge. The History of the Blessed Virgin. Vol. 1, p. 217—222. Есть сведения о фрагментах

этого Евангелия и в других рукописных собраниях: Геттингенской библиотеки, библиотеки Ватикана см.: Baumstark A. Geschichte der syrischen Literatur mit Ausschluss der christlich-palästinensischen Texte. Bonn, 1922, S. 69—70.

20. Cowper B. H. The apocryphal Gospels. L., 1867, p. LXXV, CX; Duval. La littérature syriaque. p. 87.

21. Garrige G. Le fragment grecque de l'Évangile de Thomas. // *Revue d'histoire ecclésiastique*. Vol. 51, Louvain, 1966, p. 513—520.

22. Zotenberg H. Manuscripts orientaux. Catalogues des manuscrits syriaques et sabbéens (mandaites) de la bibliothèque nationale. P., 1874, № 238 (7), 273 (3).

23. Budge. The History of the Blessed Virgin. Vol. I, p. 1—153; Vol. II, p. 1—168. Текст узаван по копии XIX в. с рукописи XIII в., различная даны по рукописи Королевского Азиатского общества.

24. Baumstark. Geschichte. S. 99.

25. Ortiz de Urbino I. Patrologia Syriaca. Roma, 1958, p. 86—88.

26. Wright W. The Departure of my Lady Mary from this world. // *Journal of Sacred Literature*. NS, L., 1865, vol. 6, p. 417—448; vol. 7, p. 110—160 (Add. 14, 484, Add. 14, 732).

27. Smith-Lewis. Apocrypha syriaca. p. 23—115, 12—19.

28. Wright. Contributions. p. 27—31, 18—24.

29. Wright. Contributions. p. 42—51, 10—15.

30. Santos Otero. Los Evangelios. p. 396—402; Apokryfy Nowego Testamentu. T. I, s. 686; Rahmani I. E. Hypomnemata Domini Nostri seu Acta Pilati. Sharfe, 1908 (Studia Syriaca. II); Sedláček J. Neue Pliatusacten. // *Sitzungsberichte der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaft*. Hist. Klasse № 11, Prag, 1908.

31. Baumstark. Geschichte. S. 69.

32. Santos Otero. Los Evangelios. p. 477; Apokryfy Nowego Testamentu. T. I, s. 690—691; Dunlop-Gibson M. Apocrypha Sinaitica. // *Studia Sinaitica*. № V. L., 1896.

33. Santos Otero. Los Evangelios. p. 484; Apokryfy Nowego Testamentu. T. I, s. 692. Указание на эти и другие рукописи см.: Baumstark. Geschichte. S. 69.

34. Wright. Contributions. p. 19—24.

35. Rahmani. Hypomnemata. p. 15—19.

36. Baumstark. Geschichte. S. 69; Rahmani. Hypomnemata. p. 1.

37. Duval. La littérature syriaque. p. 105.

38. Harris R. The Gospel of the twelve Apostles with the apocryphal of each of them. Cambridge, 1900. Издано по рукописи VIII в., принадлежавшей издателю (Harris 85).

39. Duval. La littérature syriaque. p. 88.

40. Baumstark. Geschichte. S. 70.

41. Budge. The history of the likeness of Christ. Vol. 1—2. L., 1899, p. 155—210, 171—246. Издатель использовал одну рукопись, перепсанную для него в Тель-Кефе в 1892 г., и другую — Британского музея. Другие рукописи есть в Парижской национальной библиотеке (Zotenberg. Catalogues. Ans. fon. 143, Suppl. 28, p. 234, 236) и Берлинской библиотеке (Sachau. Verzeichniss. S. 222).

42. Hall I. H. The Story of Arsánis. // *Hebraica*, 6, Chicago, 1889—90, p. 81—88. Рукопись с этим же текстом см.: Sachau. Verzeichniss. S. 201, 373.

43. Bittner M. Der vom Himmel gefallene Brief Christi in seinen morgenländischen Versionen und Rezensionen. // *Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse*. Bd. LI, Abh. 2. Wien, 1906, S. 1—240.

44. Duval. La littérature syriaque. p. 111. Две версии третьего письма опубликованы: Hall I. H. The Extremity of the Romans. // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 13, New Haven, 1899, p. 34—56; Hall I. H. The Letter of Holy Sunday. // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 15, New Haven, 1893, p. 1—121.

45. Baumstark. Geschichte. S. 70. Nau F. La version syriaque de la Vision de Théophile sur le séjour de la Vierge en Égypte. // *Revue d'Orient Chrétien*. 2 sér., T. 5 (15), P., 1910, p. 125—132; Mingana A. Vision of Theophilus. // *Woodbrooke Studies*. Vol. 3, Cambridge, 1931, p. 1—92.

46. Phillips G. The Doctrine of Addai, the Apostle. L., 1876; Мешерская. Легенда об Агаре. с. 37—55; 118—213.

47. Wright. Catalogue. P. III, p. 1081, 1083; Пигулевская Н. В. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. // Палестинский сборник. Вып. 6 (69), М.-Л., 1960, с. 140—143.

48. Мешерская. Легенда об Агаре. с. 32—33.

49. Мешерская. Легенда об Агаре. с. 53.

50. Wright W. Apocryphal Acts of the Apostles. Vol. I—II. L., 1871, p. 92—333, 146—298; Bedjan P. Acta Martyrum et Sanctorum. T. 3, P., 1892, p. 1—175; Мешерская Е. Н. Деяния Иуды Фомы. М., 1990, с. 129—223.

51. Мешерская. Деяния Иуды Фомы. с. 39—51.

52. Мешерская. Деяния Иуды Фомы. с. 218—219.

53. Мешерская. Деяния Иуды Фомы. с. 47—51.

54. Деяния Иуды Фомы. с. 80—82.

55. Wright. Apocryphal Acts. p. 3—72, 3—60. Описание рукописей: Пигулевская. Каталог. с. 140—141; Wright. Catalogue. P. II, p. 778.

56. Wright. Apocryphal Acts. p. IX; Lipsius R.-A. Die apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden. Bd. I. Braunschweig, 1883, S. 433—441.

57. Conolly R. H. The original language of the syriac Acts of John; The Diessaron in the syriac Acts of John. // *Journal of Theological Studies*. Vol. 8, Ox., 1906—7, p. 249—261, 571—581.

58. Zotenberg. Catalogues. p. 185—188.

59. Мешерская Е. Н. История Иоханнана апостола, сына Зеведеева. // *Восток*. 1992, № 5—6, с. 117—130.

60. Wright. Apocryphal Acts. p. 66—72, 61—68; Wright. Catalogue. P. III, p. 1123. Указание на другие рукописи см.: Baumstark. Geschichte. S. 68.

61. Junod E., Kaestli J.-D. Acta Iohannis. Vrepols-Turnhout, 1983 (Census Christianorum. Series Apocryphorum), p. 30—63, 317—343.

62. Cureton J. W. Ancient Syriac Documents relative to the earliest Establishment of Syriac in Edessa. L.-Edinburgh, 1864, p. 35—41.

63. Пигулевская. Каталог. с. 140—141. О других рукописях см.: Baumstark. Geschichte. S. 69.

64. Baumstark A. Die Petrus- und Paulusacten in der literarischen Oberlieferung der syrischen Kirche. Lpz., 1902, S. 38—40.

65. Peeters P. Notes sur la légende des apôtres S. Pierre et S. Paul dans la littérature syrienne. // *Analecta Bollandiana*. T. 21, Br., 1902, p. 129.

66. Nau F. La version syriaque inédite des martyres de S. Pierre, S. Paul et S. Luc, d'après un manuscrit du Xème s. // *Revue de l'Orient Chrétien*. Vol. 3, P., 1898, p. 43—50; Baumstark. Die Petrus- und Paulusacten. S. 35—38; Сведения о других рукописях см.: Baumstark. Geschichte. S. 68.

67. Текст имеется в сирийской рукописи VI в. — Wright. Catalogue. P. II, p. 651—652.

68. Lagarde P. de Clementis Romani Recognitiones syriacae. Lpz., 1861. Frankenberg N. Die syrische Clementinen mit griechischem Paralleltext. (Texte und Untersuchungen. 68, 3), 1937. Baumstark. Geschichte. S. 68.

69. Guidi I. Bemerkungen zum ersten Bande der syrischen Acta Martyrum et Sanctorum. // *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 46, Lpz., 1892, S. 744—746; Baumstark. Geschichte. S. 69.

70. Bedjan P. Acta Martyrum et Sanctorum. T. I, P., 1890, p. 1—44.

71. Lipsius R.-A., Bonnet M. Acta apostolorum apocrypha. Vol. I. Lpz., 1891, p. 45—103.

72. Hase F. Apostel und Evangelisten in den orientalischen Oberlieferung. // *Neutestamentliche Abhandlungen*. IX, 1—3, 1922, S. 214; Stefani L. de. Storia del beato Apostolo S. Paolo. // *Giornale della Società Asiatica Italiana*. Vol. 14, Firenze, 1901, p. 201—216.

73. Wright. Apocryphal Acts. Vol. 1—2, p. 128—169; 116—145. А. Смят-Любестова сравнила издание В. Рабта с текстом Синайского палимпсеста: Smith-Lewis A. Select Narratives of Holy Women from the Syro-antiochene or Sinai palimpsest. // *Studia Sinaitica*. № IX, L., 1900, Appen. II. Сведения о других рукописях см.: Baumstark. Geschichte. S. 68.

74. Lipsius-Bonnet. Acta apostolorum. Vol. I, p. 235—269. Vouaux L. Les Actes de Paul et ses lettres apocryphes. P., 1913, p. 146—238.

75. Wright. Catalogue. p. 98, 651, 1042, 1123.

76. Nau F. La version syriaque inédite. p. 51—57; Lipsius-Bonnet. Acta apostolorum. Vol. I, p. 104—117; Vouaux. Les Actes de Paul. p. 278—314.

77. Baumstark. Die Petrus- und Paulusacten.

78. Lipsius-Bonnet. Acta apostolorum. Vol. II, 1, p. 1—64.

79. Wright. Apocryphal Acts. p. 102—126, 93—115.

80. Baumstark. Geschichte. S. 68.

81. Wright. Apocryphal Acts. p. 74—99, 69—92.

82. Lipsius-Bonnet. Acta apostolorum. Vol. II, 2, p. 1—90.

83. Baumstark. Geschichte. S. 69.
84. Nau. La version syriaque inédite (Martyre de S. Luc évangéliste), p. 151—167; a Baumstark. Geschichte. S. 69.
85. Perkins R. J. The Revelation of the Blessed Apostle Paul. // *The Journal of Sacred Literature*. NS. Vol. 6, L., 1865, p. 372—401; Perkins R. J. The Revelation of the Blessed Apostle Paul. // *The Journal of the American Oriental Society*. Vol. 8, New Haven, 1866, p. 183—212; Ricciotti G. L'Apocalisse di Paolo siriana. Brescia, 1932, P. 1—2. Ricciotti G. Apocalypsis Pauli syriaca. // *Orientalia*, Vol. 2, Roma, 1933, p. 1—25; 120—149.
86. Baumstark. Geschichte. S. 70—71.
87. Didascalia apostolorum syriace. Lpz., 1854 (sine auct.).
88. Nau F. La Didascalie traduite du syriaque. P., 1902.
89. Gibson M. The Didascalia Apostolorum in Syriac. // *Horae Semiticae*. № 1, 2, L., 1903.
90. Funk F. X. Didascalia et Constitutiones Apostolorum. Vol. 1—2, Paderbornae, 1905.
91. Ignatius Ephraem II Rahmani. Testamentum D. N. Jesu Christi nunc primum editum, latine reddidit et illustravit. Mayence, 1899.
92. Nau F. Fragment inédite d'une traduction syriaque jusqu'ici inconnue du Testamentum D. N. Jesu Christi. // *Journal Asiatique*. IX sér. T. XVII, P., 1901, p. 233.
93. Schwartz E. Über die pseudoapostolischen Kirchenordnungen. Strasbourg, 1910.
94. Connolly R. H. The so-called Egyptian Church Order and derived documents. // *Texts and Studies*. Vol. 8, № 4, Cambridge, 1916; Connolly R. H. *Didascalia Apostolorum*. Ox., 1929.
95. Botte B. La tradition apostolique de Saint Hippolyte. Münster-Westfalen, 1963.
96. Lagarde P. Reliquae juris ecclesiastici antiquissimae syriace. Lpz., 1856, p. 44—60.

E. N. Mescherskaya

THE NEW TESTAMENT APOCRYPHA IN THE SYRIAN LITERATURE

It's universally recognized that the byzantine literature in Greek has played the leading role in forming the single for all eastchristian peoples literary fund and genres. But among the christian literature the syrian literature presents an exception in this regard. Some apocryphal plots, adopted by many christian nations, have got an original literary design and were primarely recorded in syriac. The article determines some historical-cultural reasons of this situation and gives the review of the New Testament Apocrypha, which were fixed in the syrian language. The autor directs the principal attention to the texts and plots of the syrian origin.